
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

В поисках альтернатив российского развития: переосмысливая наследие аграрника В.П. Данилова

А.М. НИКУЛИН*

***Никулин Александр Михайлович** – директор, Центр аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulin@rane.ru.

В статье анализируется интеллектуальное наследие российского историка-аграрника В.П. Данилова (1925–2004 гг.). В центре исследования находится проблема альтернатив российского исторического развития последних 150 лет, связанных с реформированием сельской России. Показано, как В.П. Данилов в различных этапах российского развития XIX–XX веков выделил ряд аграрных реформ, осуществлявшихся с циклическими интервалами в 20–30 лет, в ходе которых возникала возможность для реализации различных сценариев не только сельского, но и общенационального развития России.

В перечне реформ Данилова мы находим: крестьянскую реформу 1860-х годов, попытки аграрных реформ Н.Х. Бунге первой половины 1880-х годов, первую русскую революцию и вызванную ею столыпинскую реформу, аграрную революцию 1917–1922 годов, коллективизацию начала 1930-х годов, реформы Н.С. Хрущева конца 1950-х – начала 1960-х годов, аграрную реформу Горбачева-Ельцина 1990-х годов. Хотя каждая из реформ находила отражение в научном творчестве Данилова, все же наиболее подробно он изучал реформы первой половины XX века – от Столыпина до Сталина.

Сталинизм, оказавший разрушительное влияние на советское сельское развитие, по мнению Данилова, не был фатально предопределен в российской истории. Как показывает Данилов, сталинизму противостояли и в перспективе могли реализоваться иные альтернативы развития, связанные с именами позднего Ленина, Троцкого, Бухарина и Чаянова. Особый интерес представляет взгляд историка Данилова на современные ему советские и постсоветские аграрные преобразования конца XX века, к которым он относился весьма критически.

Даниловское видение многовариантных путей сельско-городского и аграрно-индустриального развития России имеет не только историческую ценность, оно, безусловно, помогает осознанию и поиску социально-экономических альтернатив в настоящем и будущем.

Ключевые слова: исторические альтернативы, аграрные реформы, бюрократия, крестьянство, перестройка, революция

Наследие В.П. Данилова

Выдающийся российский историк Виктор Петрович Данилов оставил чрезвычайно ценное, обширное и глубокое научное наследие. Свидетельством признания научных заслуг В.П. Данилова¹ стало опубликование в 2011 г. обширного двухтомника его избранных работ «История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч.».

К началу 1960-х гг., став ведущим ученым-аграрником по истории России XX в., Данилов в своем исследовательском секторе Института истории РАН, объединив вокруг себя талантливых коллег-историков Н.А. Ивницкого, М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина, подготовил к печати обширную рукопись «Коллективизация сельского хозяйства в СССР. 1927–1932». С 1964 г. в течение несколько лет предпринимались попытки напечатать этот труд, но начавшийся тогда постхрущевский реванш сталинизма в общественных науках заблокировал любые возможности издания этой книги.

Отстраненный от исследований сталинской коллективизации, В.П. Данилов активно занялся изучением истории сельской общины, крестьянской культуры и методологии аграрных исследований. В 1977 г. им была опубликована книга «Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство», а вскоре, в 1979 г., «Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения» [Данилов 1977; Данилов 1979], – до сегодняшнего дня обе книги остаются фундаментальными и классическими работами, на которых воспитывается не одно поколение историков.

Перестройка предоставила возможность Данилову не только вернуться к его основным исследованиям исторических процессов рубежа 1920–1930-х гг., но также востребовала его пронизательный критический ум для осмысления современных аграрных преобразований конца 1980-х – начала 1990-х гг. [Данилов 1987; Выступления Данилова (1) 1989, с. 6–7, 10–18, 31–41, 53–56, 60–62; Выступления Данилова (2) 1989, с. 102–103, 113–114].

В 1990-е гг. Данилову удалось реализовать целый ряд крупномасштабных российских и международных исследовательских исторических проектов в сотрудничестве с учеными Англии, США, Канады, Франции, Германии, Японии, Южной Кореи. Важнейшими из этих проектов, связанных с введением в научный оборот огромных многотомных массивов ценнейших архивных документов, стали: «Социальная структура советского села»; «Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.»; «Как ломали НЭП 1927–1929 гг.»; «Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание»; «Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД»².

¹ О В.П. Данилове за последнее десятилетие вышла серия различных публикаций: [Памяти Виктора Петровича Данилова 2004, с. 210–211; Памяти Виктора Петровича Данилова 2006, с. 10–90; *Вылцан, Емец, Слепнев* 2005, с. 150–162; *Вылцан, Емец, Слепнев* 2011, с. 16–68; *Кузнецова, Никифоров* 2013, с. 454–463; *Кондрашин* 2013].

² В.П. Данилов – ответственный редактор и составитель следующих сборников российских и международных проектов: «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (наряду с Т. Шаниным и др.): Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994; Филипп Мионов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы. М., 1997; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. М., 2002; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / Серия: Крестьянская революция в России. М., 2003; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. М., 2006.

Совместно со своим другом и коллегой британским социологом Теодор Шаниным на базе Московской высшей школы социальных и экономических наук и ее исследовательского подразделения «Интерцентр» В.П. Данилов в 1995 г. создал и до конца своей жизни возглавлял Центр крестьяноведения и аграрных реформ, издавая ученые записки «Крестьяноведения: история, теория и современность», проводя междисциплинарные крестьяноведческие семинары, на которых обсуждались важнейшие методологические вопросы аграрных российских и международных исследований³.

Данная статья посвящена интерпретации научного наследия В.П. Данилова с историко-социологической точки зрения многовариантности, разнонаправленности – альтернативности путей российского развития.

Парадоксы альтернатив

В центре научных исследований В.П. Данилова всегда стояла проблема различных вариантов аграрного развития России, по крайней мере, от реформы 1861 г. до постсоветских дней включительно [Данилов (8) 2011, с. 630–649]. В этом стремлении Данилов противостоял (совместно со своим другом и коллегой профессором Т. Шаниным с его кредо «Иное всегда дано») как позициям ортодоксальной советской историографии, однозначно отрицавшей возможность альтернатив в истории, так и публицистическим настроениям перестроечной шоковой терапии, проводимой под лозунгом «Иного не дано!» [Danilov 1989].

Сам Данилов как-то зафиксировал этот занимательный парадокс «иного-не-дано-восприятия» в своем пересказе коллегам по «Интерцентру» после своего возвращения из Германии во второй половине 1990-х гг., где он как раз участвовал в университетско-семинарских дискуссиях об альтернативах развития Советской России 1920-х гг. По словам Данилова, на одном из этих семинаров среди почтенных немецких профессоров сидел даже в сравнении с ними очень пожилой человек, который с живейшим любопытством следил за всеми перипетиями академических дискуссий о советских альтернативах и при этом сам хранил застенчивое молчание. Этот человек, кажется, был даже не из академической среды, но по его

В.П. Данилов – ответственный редактор и составитель сборника российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» (наряду с А. Береловичем и др.): Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998; Т. 2. 1923–1929 гг. М., 2001; Т. 3. Книга 1. 1930–1931 гг. М., 2003; Т. 3. Книга 2. 1932–1934 гг. М., 2005.

В.П. Данилов – ответственный редактор и составитель сборников проекта «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» (наряду с Р. Маннинг и др.): Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999; Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001; Т. 4. 1934–1936. М., 2002; Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004; Кн. 2. 1938–1939. М., 2006; Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1930–1931 гг. Документы и материалы / Составители В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1992; Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1931–1933 гг. Документы и материалы / Составители В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1993; Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Документы и материалы / Составители В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1994; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. М.: МФД, 2000 (В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин (отв. редакторы). См. также, Мякинков С.И. Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 299–306.

³ См.: [Рефлексивное крестьяноведение 2002, с. 570–571].

лицу было видно, что обсуждаемые сюжеты так ему до боли знакомы, что Данилов предположил, что этот загадочный незнакомец, возможно, в свое время был агентом Коминтерна или кем-то в этом роде. Наконец, незнакомец не выдержал, робко поднял руку, вставил свое слово: «Мне кажется, там, где есть ОГПУ, там альтернатив не бывает», – и, смутившись, смолк. В этом месте своего пересказа о семинаре Данилов, невесело рассмеявшись, сообщил, что именно сейчас он работает с интереснейшими архивными документами ОГПУ времен первой пятилетки, которые могли бы послужить ответом этому незнакомцу.

Впоследствии В.П. Даниловым была опубликована статья «Необычный эпизод в истории отношений ОГПУ и сталинского Политбюро» [Данилов (5) 2011, с. 760–774], которая трагическим образом, подобно галиллевскому «и все-таки она вертится», подтверждает, что имелись попытки если не отвергнуть, то хотя бы как-то смягчить безумную жестокость сталинской репрессивной политики по отношению к раскулаченным даже в недрах самого ОГПУ, не говоря уже о мощном сопротивлении сталинскому курсу крестьянства, а также части интеллигенции и партии. В этой статье В.П. Данилов подчеркивал, что система политического контроля и секретной информации ОГПУ к 1930 г. «добросовестно выполняла свои функции и буквально захлестнула власти потоком сообщений о повсеместном неблагополучии и прямом сопротивлении государственной политике, когда сталинская “революция сверху” вылилась в “сплошную коллективизацию” крестьянских хозяйств и раскулачивание, ставшее основным средством массового насилия и одновременно способом обеспечения дешевой рабочей силой богатых природными ресурсами, но нежилых районов на севере и востоке страны» [Данилов (5) 2011, с. 760]. Впрочем, ОГПУ пришлось не только собирать информацию о коллективизации и раскулачивании, но также принимать организационные усилия по спецпоселению в северных лагерях семей репрессированных крестьян, количество которых уже к лету 1930 г. достигло половины миллиона человек. Именно тогда некоторые высокопоставленные представители соответствующих комиссий ОГПУ и, прежде всего, нарком внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачев пытались ставить вопросы перед Политбюро об альтернативах элементарной гуманности, а также обыденного хозяйственного здравого смысла в отношении заключенных. Данилов приводит выдержки из письма Толмачева, так характеризующего положение высланных крестьян в Вологодской и Архангельской областях: «Теснота невероятная... есть места, где кубатура меньше гробовой. Полов в бараках нет, крыша сделана из жердей и слегка присыпана землей. Температура не выше 4 градусов, как правило. Вшивость. При скверном питании, а для многих при почти полном его отсутствии, все это создает колоссальную заболеваемость и такую же смертность среди детей... с высланными обращаются, как с опаснейшими заключенными, подлежащими строжайшей изоляции. Это исключает возможность использования их собственной инициативы и самостоятельности и налагает на нас совершенно непосильную обязанность их полного обслуживания. Это ведь не ящики, не тюки груза, который сам о себе не думает, а живые люди...» [Данилов (5) 2011, с. 763]. Такая и подобная ей информация некоторых других чекистов ставила вопросы корректировки безжалостного сталинского курса фактического уничтожения в тайге и болотах севера раскулаченных семей. В.П. Данилов детально анализирует, как на протяжении 1930–1931 гг. внутри ОГПУ и во взаимоотношениях ОГПУ с высшими органами партийной и советской власти предпринимались попытки хотя бы немного скорректировать, смягчить сталинский курс на уничтожение

репрессированных. В конце концов, попытки некоторых ОГПУ-альтернатив завершились провалом: Толмачев, несогласный со сталинским курсом, ушел в 1930 г. в антисталинскую оппозицию и был в скором времени репрессирован; репрессии, в конечном счете, настигли и тех представителей ОГПУ, надо признать, весьма немногочисленных, но все же искавших хоть какие-то альтернативы крестьянскому геноциду в условиях крайнего севера. Данилов подчеркивает, что одним из главных каналов информационного воздействия на Сталина и его соратников до начала 1930 г. являлись сводки Информотдела ОГПУ, в которых содержалась разнообразная и детальная информация о состоянии экономики, армии и общества в СССР. Но Сталин, недовольный критической осведомленностью своих спецслужб, 5 марта 1931 г. просто упразднил соответствующий Информотдел ОГПУ, вместе с ним исчезли и сводки, стремившиеся с достаточной полнотой предоставить сведения о положении дел в стране, им взамен пришли краткие справки и спецсообщения, соответствующие официальной интерпретации.

В анализе этой зловещей истории взаимоотношений ОГПУ с Политбюро по поводу положения крестьянских спецпереселенцев, В.П. Данилов фактически поставил центральный вопрос для поиска и осуществления любых общественных альтернатив, это эпистемологический вопрос о полноте и достоверности знания, на основе которого принимаются альтернативные решения (пусть даже и в области карательной политики). Именно поэтому В.П. Данилов в своих работах многократно подчеркивал, что сутью сталинизма является стремление к системной фальсификации окружающей действительности. Плоды такого стремления много позже с веской тревогой зафиксировал очередной преемник Сталина на посту Генерального секретаря и руководителя секретных служб СССР Ю.В. Андропов: «мы... не изучили в должной мере общества, в котором живем и трудимся» [Андропов 1983, с. 224–225]. Таким образом, перефразировав мнение того безымянного незнакомца, участника германского семинара, мы можем утверждать, что сложно с альтернативами там, где существует всеобъемлющая система фальсификации окружающей действительности, одной из самых зловещих (но не единственных) разновидностей которой и являлся сталинизм. Фактически свой главный жизненный путь в качестве ученого Данилов и посвятил поиску достоверного и глубокого аграрного знания, включавшего в себя детальные эмпирические историко-социологические исследования, на основе которых им формулировались широкие и глубокие аналитические обобщения альтернатив исторического и современного российского развития. Попробуем критически реконструировать эти важнейшие аналитические обобщения В.П. Данилова, являющиеся своеобразными вехами его личностной авторской хроники истории России.

Особенности крестьянства и фермерства в альтернативах развития предреволюционной и послереволюционной России

В.П. Данилов неоднократно обращал внимание в своих выступлениях и публикациях, что в популярном политическом дискурсе российских интеллектуалов постоянно происходит смешение понятий «крестьянство» и «фермерство», которые все же следует различать в их историко-экономическом и историко-культурном контекстах.

Генетически понятия «крестьянство» и «фермерство» связаны с единством хозяйственной жизнедеятельности семейного производства, основанного на естественных (природных) производительных силах. Исторически разрушение натурально-потребительского мелкого хозяйства происходило в связи с распространением рыночных отношений, которые в свою очередь вели к стадийной товаризации сельского хозяйства. На первой стадии наблюдалась лишь продажа излишков собственного потребления с сохранением в значительной мере натурально-потребительского характера мелкого производства. Вторая стадия означала основательную ориентацию хозяйства на рынок, на производство продукта для продажи – это собственно стадия мелкотоварного производства, но в основе которой остается трудовая кооперация членов семьи и природные производительные силы. Третья стадия – общая товаризация хозяйства, при которой происходит замена природных производительных сил индустриальными с максимально возможной специализацией производства рыночного продукта.

На первых этапах процесса товаризации фермерское и крестьянское хозяйства сохраняют изначальное единство, хотя уже в этом периоде между ними можно обнаружить определенные различия, связанные также с естественно-географическими, социально-политическими (наличие или отсутствие крепостничества, например) и культурными условиями. В.П. Данилов специально анализировал столь популярные в России (со времен ленинского различения путей развития аграрного капитализма) сравнения между американским фермерством и российским крестьянством. Например, фермерские хозяйства США и крестьянские хозяйства России в начале XX в. – это прежде всего хозяйства семейные. Тем не менее и здесь Данилов ссылаясь на авторитетные расчеты экономиста Н.Д. Кондратьева: по статистике в 1910–1912 гг. в США на ферму приходилось орудий производства, скота и хозяйственных построек на 3,9 тыс. руб., а на крестьянское хозяйство европейской России – 900 руб. Соответственно, американский фермерский доход в расчете на душу сельскохозяйственного населения составлял 252 руб., а российский крестьянский – всего 52 руб. [*Кондратьев, Гагановский* 1924, с. 10].

Эти данные весьма красноречиво демонстрируют различия между развитым, хотя и мелкотоварным производством американского фермера и по преимуществу натурально-потребительским, только втягивающимся в рынок крестьянским хозяйством России.

В начале XX в. фермеры США вступили в стадию индустриализации производства, когда традиционное оборудование заменялось индустриальным, в том числе тракторами, комбайнами и прочими сложными механизмами. Тогда же, в первой трети XX в., в Америке произошла смена мелкого семейного хозяйства на крупное хозяйство, не зависящего от используемого труда (собственного или наемного), но обязательно высокопроизводительного, порой до 100% товарного, включенного в систему кооперативных или корпоративных объединений, с их мощной инфраструктурой, являвшейся важнейшей составляющей производства. Такая американская ферма была крупным предпринимательским хозяйством, а американский фермер являлся, прежде всего, предпринимателем, хотя, как правило, и лично работающим на своем сельхозпредприятии.

Продолжая свои российско-американские сравнения, Данилов обращается к экономико-культурным характеристикам российского крестьянства в 1920-е гг. накануне сталинской коллективизации. Согласно даниловским характеристикам,

среднее крестьянское хозяйство России конца 1920-х гг. состояло из 5–6 чел., включая 2–3 работников, 4–5 га посева, 1 рабочую лошадь, 1–2 коровы. Тогда лишь 15% крестьянских хозяйств имели хоть одну сельскохозяйственную машину, а хозяйство с комплексом машин являлось редкостью, их было не более 1–2%. В таких условиях на обработку десятины (1,09 га) озимых хлебов затрачивалось 15 дней работы лошади и 30 дней работы взрослого мужчины, а средний урожай составлял 7–8 центнеров зерна, что было значительно ниже среднемирового уровня. Произведенная продукция шла в основном для собственного потребления, а на рынке реализовывалось не более 20% продукции [Данилов 1993, с. 5].

Таким образом, натурально-потребительская сущность российского крестьянского хозяйства России сохранялась до сталинского великого перелома. Крестьянство лишь вступало на путь рыночного развития, роста различных форм мелкотоварного производства, социально-экономического расслоения деревни. Безусловно, В.П. Данилов учитывал и отмечал региональные особенности значительного роста аграрного капитализма вполне «фермерского типа» еще в предреволюционное время, особенно в районах исторического отсутствия крепостного права: на Дону и Северном Кавказе, в южной Украине и Сибири. Однако в целом предпринимательство в российском крестьянстве выделялось не столько производительными фермерскими чертами, сколько докапиталистическими чертами эксплуатации чужого труда: отработки за долги, издольщина, ростовщичество. Отсюда в русском языке и культуре закрепились в целом негативные образы деревенского предпринимателя, связанные с понятиями «кулак», «мирод», «выжига».

Данилов отмечал, что столыпинская реформа способствовала росту фермерских хозяйств американского типа, но и она не смогла и не успела переломить ситуацию в деревне из-за серьезного сопротивления крестьянства, прежде всего, за счет которого и предполагалось создавать новый (фермерский) тип хозяйства.

Большевистская революция 1917–1918 гг. уничтожила как полукрепостнические, так и современные формы аграрного капитализма, состоявшие из некоторых высокотоварных помещичьих хозяйств и столыпинских хуторских хозяйств фермерского типа. Впрочем, национализация земли и ее уравнительное перераспределение, хотя и привели к значительному осереднячиванию крестьянства, но не элиминировали социально-экономического расслоения деревни. И в 1920-е гг., по оценкам В.П. Данилова, в Советской России в целом существовало 3–4% наиболее крупных крестьянских хозяйств, числившихся «кулацкими». Хозяйства такого типа использовали 15–20% общей массы средств сельскохозяйственного производства, 1/3 всех сельхозмашин (сеялок, жнеек, молотилок и т.п.); размеры их посевных площадей достигали 15–20 и более десятин. Прежде всего, именно они являлись наиболее товарными, реализуя на рынке почти 40% своей продукции, и в перспективе становились реально предпринимательскими, то есть фермерскими в условиях сохранения и развития рынка [Данилов 1993, с. 6]. Но здесь Данилов особо подчеркивает, что и в условиях НЭПа в советской деревне все же преобладал примитивный деревенский капитализм, часто совмещавший в себе товарно-денежные и натурально-ростовщические особенности. По определению В.П. Данилова, сельский предприниматель 1920-х гг. «это далеко не фермер, ведущий крупное производство на основе более эффективных методов орга-

низации производства, более совершенной техники, а в значительной мере – прежний мироед. В целом это – фигура, социальная эволюция которой закончилась на половине пути между мироедом и фермером» [Данилов 1993, с. 7].

Впрочем, по Данилову, фермерские альтернативы в крестьянстве 1920-х гг. не исчерпывались трансформациями старого кулацко-ростовщического предпринимательства. Они часто проявлялись во многих середняцких хозяйствах, ведущихся прежде всего трудом членов одной семьи; представителей таких хозяйств характеризовали «старательными» или «примерными» крестьянами, а с середины 1920-х гг. их стали еще называть «интенсивниками», «передовиками». Они отличались особым трудолюбием, любознательностью, повышенным интересом к различным усовершенствованиям, при этом сознательно отказываясь от найма посторонней рабочей силы во избежание обвинений в кулачестве. С другой стороны, им часто приходилось сталкиваться как с общинно-консервативной, так и с радикально-идеологической средой 1920-х гг., оказывавшей противодействие выделявшемуся фермерской самостоятельностью крестьянству.

Этому виду предпринимательства, выраставшему из самой крестьянской среды, было весьма нелегко реализоваться. В целом, альтернативы дальнейшей сельской эволюции нащупывались (при условии сохранения рыночных основ НЭПа) именно в вопросах развития соотношения широких слоев среднего крестьянства, остатков традиционного ростовщического кулачества и становящегося реальным фермерского предпринимательства. В подтверждение данной точки зрения Данилов приводит и разбирает мнение крупнейшего авторитета в области сельской экономики того времени А.В. Чаянова, который в записке в адрес ЦК ВКП(б) в 1927 г. российское сельское хозяйство до и после революции характеризовал «двумя тенденциями развития: к фермерству и к кооперативной концентрации середняцких хозяйств» [Чаянов 1989, с. 211]. Признавая безусловную эффективность фермерства, Чаянов, тем не менее, предлагал развивать именно крестьянско-семейные хозяйства с помощью разнообразных мер кооперации. В своей докладе Чаянов подчеркивал возникновение и полемическое сосуществование двух научно-общественных течений возникших еще до революции в 1911–1913 гг. Одно из течений предлагало альтернативы «чистокровной Америки» с форсажем фермерских элементов в российском земледелии. Идеологами этого течения до и после революции были видный российский и советский либеральный экономист Л.Н. Литошенко, а после революции – Н.Д. Кондратьев. Другое течение, и к нему относился сам А.В. Чаянов, пыталось «создать, опираясь на середняцкую массу, кооперативные формы вертикальной концентрации хозяйства, по возможности избегая захвата деревни торговым и финансовым капиталом и сохраняя контроль над путями сбыта и финансирования в руках кооперативно-организованных масс» [Чаянов 1989, с. 215]. В.П. Данилов отмечал, что «сплошная коллективизация» по-сталински оборвала многообещающее плодотворное соревнование фермерско-предпринимательских и крестьянско-кооперативных альтернатив в советской экономической политике [Данилов 1993, с. 27–28]. Но в чем же состояла, по Данилову, собственно реализовавшаяся сталинская альтернатива, каковы были ее основные сущностные характеристики, кроме уже отмеченных тотально криминальных интенций фальсификации действительности?

Особенности сталинской альтернативы

Особое внимание в своих исследованиях В.П. Данилов уделял генезису сталинизма, исторической почве, на которой он взрастал и развивался. Данилов подчеркивал, что в предреволюционной России капитализм еще не определял в целом социально-экономический строй страны, сосуществуя с властью самодержавия и остатками крепостничества в условиях фактического отсутствия демократии. Все это привело к ожесточенной «плебейской расправе» с правящими классами во время революции и Гражданской войны. Как метафорически подчеркивает В.П. Данилов: «Образно говоря, сталинизм был зачат в партийном подполье, а повивальной бабкой при его родах была Гражданская война» [Данилов (6) 2011, с. 681]. А в революционном подполье, продолжает В.П. Данилов, «обитали не только идейные борцы за освобождение угнетенных и эксплуатируемых, но и те, кто возглавлял “боевые группы”, расправлялся с “предателями”, проводил “эксы” и т.п. Необходимость повседневно вести двойную жизнь сама по себе создавала в этой среде совершенно своеобразный морально-психологический тип индивидов, отличающихся властолюбием и беспощадностью в сочетании с двойственностью поведения, постоянным несовпадением слова и дела» [Данилов (6) 2011, с. 681].

В ходе Гражданской войны идеология и практика военного коммунизма стали составляющей сутью сталинизма, но главное – его необъятная жажда власти искусно маскировалась под неусыпную заботу об интересах рабочего класса и всех трудящихся. Именно безмерное властолюбие Сталина, по мнению Данилова, позволило ему перессорить и извортливо переиграть в политической борьбе 1920-х гг. менее властолюбивых вождей большевизма как левых, так и правых – от Троцкого до Бухарина: «Сталину в этой борьбе действительно противостояли люди, которым личная власть была не нужна, саму идею такой власти они считали предосудительной – “трижды подлой” и “трижды сумасшедшей” (по выражению Троцкого). Решающим фактором сталинских успехов в ликвидации оппозиций, а тем самым и становления сталинизма явилось овладение партийно-государственным аппаратом сверху донизу. Эта сфера деятельности была чужда партийным лидерам, поглощенным проблемами НЭПа, перспектив строительства социализма в России и развития мировой пролетарской революции. Генсек практически сразу занялся управленческим аппаратом... Явления бюрократизма в партийно-государственном управлении, отмечавшиеся и раньше, переросли в активный процесс формирования исполнительного аппарата “необъятной власти” генсека» [Данилов (7) 2011, с. 712].

Укрепление сталинской бюрократизации сопровождалось усилением контроля над знанием, манипуляцией фактами и их фальсификацией. В этой связи В.П. Данилов особо подчеркивал долговременное значение для судеб народного хозяйства и социально-экономической науки состоявшийся в декабре 1925 г. разгром советской статистики, осуществленный Сталиным. Именно тогда руководство советских статистиков во главе с П.И. Поповым было обвинено в преуменьшении данных о производстве хлеба в крестьянских хозяйствах и, следовательно, о возможностях государственных заготовок и экспорта, а тем самым и финансирования промышленного роста СССР. В то время глава ЦСУ П.И. Попов, старый и заслуженный земский статистик, в личном споре со Сталиным доказывал, что показатели хлебного производства в стране умеренные, отказываясь признавать

наличие значительных запасов крестьянского хлеба, о которых все время твердил Сталин. В результате П.И. Попов был немедленно отстранен от руководства ЦСУ, а само ЦСУ было поставлено под сталинский контроль, ежегодно увеличивая оценки производства зерна на 10–20%, сообщая о возрастании «невидимых хлебных запасов» у крестьян. Все это и позволило Сталину уже через пару лет обосновать широкое применение «чрезвычайных мер» в хлебозаготовках, ставших прологом к последующей форсированной коллективизации.

Таким-то образом, отмечает В.П. Данилов: «Миф о хлебном изобилии, созданный посредством немислимых в статистике преувеличений, должен был убедить правящие верхи *в возможности* получения такого количества зерна, которое обеспечивало, наконец, решение проблемы средств для ускоренной индустриализации... Одновременно сталинское руководство должно было убедить партийно-государственные верхи *в необходимости* реализовать эти возможности и любыми средствами взять у крестьянства хлеб в объеме, достаточном для решения “очередных задач”» [Данилов (6) 2011, с. 680].

Хлебозаготовительный кризис и применение «чрезвычайных» мер стали первым серьезным экзаменом на исполнительность для сталинского партийно-государственного аппарата, а знаменитые инспекции Сталина, Молотова, Микояна в связи с «чрезвычайными» хлебозаготовками дали старт большой чистке кадров уже в конце 1920-х гг. И хотя миф о невероятных хлебных запасах деревни развеялся уже к лету 1928 г., это никоим образом не повлияло на пересмотр сталинской политики. К этому времени, по мнению В.П. Данилова, Сталин уже не нуждался в статистической аргументации, а просто объявил о введении «добавочного налога на крестьянство в интересах подъема индустрии», сам же добавочный налог представлялся ему «нечто вроде дани» [Сталин 1949, с. 56–57]. Отныне этот сбор с крестьян «дани» стал навсегда, по мнению В.П. Данилова, сердцевиной сталинской политики в деревне, сопровождаемый еще более оригинальным сталинским заявлением конца 1920-х об обострении классово-борьбы по мере построения социализма.

Безрезультатно главный сталинский оппонент Н.И. Бухарин клеймил такую аграрную политику как «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства» и острил по поводу обострения сталинской классово-борьбы: «...У самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костью» [Бухарин 1929]. В этой связи В.П. Данилов лишь констатировал: «Предвидение Бухарина, к сожалению, сбылось: сталинская “революция сверху” сопровождалась и фактически гражданской войной против крестьянства, и голодом, унесшим миллионы жизней» [Данилов (7) 2011, с. 714].

В конце концов, сфальсифицированные и подтасованные итоги «пятилетки в четыре года» требовали нового витка репрессий против «вредителей» и «врагов народа», из-за которых, по мнению Сталина, искажались и срывались все социалистические планы. В.П. Данилов в своих исследованиях отмечал, что Сталин пытался инициировать массовые репрессии еще в 1927 г., но тогда ему воспрепятствовали в этом все еще непокорные (прежде всего, правые) кадры партии. Но по окончании первой пятилетки, когда любое сопротивление внутри партии было подавлено, Сталину лишь предстояло устранить ключевых свидетелей пройденного пути – представителей остатков большевизма, главных «врагов народа», виновных во всех бедах. Впрочем, вслед за ними Сталин устранил и непосредственных исполнителей расправы над большевизмом, достаточно сведущих в реальных

механизмах свершившихся событий. Тем не менее, особо подчеркивал В.П. Данилов, даже в годы великого террора «в 1936–1938 гг. основную массу репрессированных составляло, главным образом, деревенское простолудье» [Данилов (7) 2011, с. 715].

Массовые репрессии 1930-х гг. В.П. Данилов характеризовал как завершение своеобразного сталинского термидора, в процессе которого сформировался новый правящий класс – класс командно-репрессивной системы управления, завершивший в 1991 г. термидорианский переворот разрушения советского общества. По мнению В.П. Данилова, сталинизм по природе своей антисоциален, «поэтому бесполезно искать в рабочем классе, крестьянстве или интеллигенции социальный слой, интересы и настроения которого создали сталинскую диктатуру» [Данилов (1) 2000, с. 67]. Сталинизм «это бюрократическая диктатура, которая в ходе своего становления и развития воспроизводила в расширенном масштабе собственную социальную опору – бюрократическую среду, не зависящую от всех других классов и слоев общества» [Данилов (1) 2000, с. 68]. Именно поэтому в оценках В.П. Данилова «в сколько-нибудь полной и законченной форме сталинизм недолговечен, впрочем, как и его наследница – бюрократическая “демократия”» [Данилов (1) 2000, с. 69].

В конечном счете, по мнению Данилова, сталинизм и был одной из главнейших причин крушения СССР, хотя его распаду предшествовала альтернатива перестройки с ее задачами освобождения общества от сталинского наследия и созидания социализма с человеческим лицом. Каковы были возможности реализации именно такой альтернативы? Ответы на эти вопросы В.П. Данилов искал уже не просто как историк, но как современник, как достаточно активный участник ряда политических, по крайней мере, аграрно-политических событий времен перестройки.

Альтернативы перестройки

В своей статье «Из истории перестройки (переживания шестидесятника-крестьяноведа)» В.П. Данилов дал четкое определение, каких же перемен хотели советские шестидесятники (с которыми, безусловно, самоидентифицировался и солидаризировался сам автор статьи): «Желаемые перемены состояли в полном преодолении сталинского наследия как в политическом устройстве, так и в экономической организации советского общества. Это предполагало полную ликвидацию репрессивной системы и реабилитацию всех жертв сталинского террора, действительную свободу выборов в органы советской власти, решительный отказ от внеэкономического принуждения (например, от обязательных колхозных поставок сельскохозяйственной продукции), введение более широкого и организованного товарно-денежного обращения в советской экономике – при сохранении государственного планирования и регулирования» [Данилов (3) 2011, с. 649].

С приходом перестройки Данилову казалось, что он и его поколение фактически вернулись к работе, прерванной в годы их молодости: «работе, которую мы с полным основанием считали необходимой для понимания прошлого и настоящего нашей страны, для перестройки общества на подлинно социалистических принципах» [Данилов (3) 2011, с. 650]. Впрочем, через несколько перестроечных лет

само шестидесятничество подверглось насмешливой идеологической критике: за непонимание пороков советского общества и неспособность осознать горбачевское «новое мышление» [Данилов (3) 2011, с. 650].

В конце 1980-х гг. Данилова часто приглашали к участию в разработке программ новых аграрных реформ. К этому времени, вспоминает В.П. Данилов, его уже неоднократно просили не столько осуждать сталинскую коллективизацию, сколько проявить критику крупного коллективного земледелия как такового. При этом Данилову иногда напрямую предлагали выступить против национализации земли, потребовать введения частной собственности на землю, но он игнорировал подобные идеологические предложения, поступающие, как правило, от начальственной верхушки.

В конце 1988 г. Данилова как одного из ведущих аграрников страны партийно-государственное руководство пригласило к участию в составлении специальной записки «О концепции аграрной политики КПСС на современном этапе и неотложных мерах продовольственного обеспечения страны». И Данилов развернуто сформулировал свои предложения; в тезисном виде они выглядят следующим образом:

- разработка общей концепции аграрной политики КПСС требует осмысления не только опыта первых лет перестройки в деревне, но и всего исторического пути деревни за годы социализма;
- возвращаясь к осмыслению НЭПа, надо помнить о значении развития всех форм кооперации в деревне на основе «свободного почина» самих крестьян;
- система коллективного земледелия (без крестьянского внеэкономического принуждения) могла формироваться постепенно и лишь на стадии полной механизации и электрификации сельского хозяйства;
- сталинское руководство, специально обостряя классовую борьбу, прервало НЭП и форсировало коллективизацию;
- в современных условиях действительно необходим полный переход колхозов, совхозов на хозрасчет и подрядные формы организации труда, приводящие также к оживлению всех разновидностей личного подсобного хозяйства, активизации малых экономических форм;
- однако переходу на хозрасчет и подряд в сельском хозяйстве мешают бюрократическая косность, неразработанность правовых отношений аренды; в целом инертность людей, противящихся всему новому;
- главной тревогу вызывает состояние основной массы работников, занятых в сельском хозяйстве, наступившее в результате долговременных и разнообразных отрицательных социально-демографических характеристик;
- необходимо содействие обратной миграции из города в деревню той части населения, которая способна к заинтересованному сельскохозяйственному труду;
- за 60–70 лет абсолютного господства крупного колхозно-совхозного производства сменилось два-три сельских поколения, в результате прежний «универсальный» крестьянин трансформировался в «узкого специалиста». Теперь знание всего производственного цикла часто присуще лишь главным специалистам и руководителям. Поэтому пассивное отношение деревни к арендному подряду объясняется отнюдь не сельской ленью, но часто незнанием и неспособностью современной сельской семьи ориентироваться во всем цикле соответствующих работ;

- в связи с этим, семейный и индивидуальный подряды следует внедрять постепенно и осторожно, так как их ускоренное насаждения может привести к эффектам «сплошной коллективизации»;
- необходимы организация обучения самостоятельному хозяйствованию на арендном подряде всех тех, кто проявит к нему стремление, и создание соответствующей сети специальных школ;
- в настоящее время очевидна предпочтительность коллективного (разных форм и масштабов) подряда с разделением труда, участием агрономических, зоотехнических или инженерных кадров, использованием наличной (реально имеющейся крупной, а не будущей малогабаритной) техники;
- важнейшее условие успешной перестройки советского аграрного производства – предоставление подлинного самоуправления трудовым коллективам.

В заключение своих предложений В.П. Данилов резюмировал: «Самоуправление – единственная альтернатива командно-мобилизационной системе управления, обнаружившей свою абсолютную несостоятельность... Колхозы и совхозы должны стать объединениями первичных коллективов (бригад, звеньев, семей и др.), работающих на подрядных, арендных, вообще хозрасчетных принципах, – своего рода кооперативами кооперативов. Постепенно они должны объединяться с другими колхозами, совхозами и разного рода предприятиями в межхозяйственных кооперативах – производственных, сбытовых, снабженческих и др. Таким образом, возникает кооперативная общественно-экономическая структура» [Данилов (3) 2011, с. 655].

В.П. Данилов не получил никакой реакции на свои предложения, но тем не менее в мае 1990 г. он был включен в состав, как оказалось, последней советской сельскохозяйственной делегации в США. Делегация посещала фермерские хозяйства, кооперативы, частные предприятия, корпорации в ряде штатов, участвовала в научной конференции по проблемам сельского хозяйства в ДеМойне (центр штата Айова). По воспоминаниям В.П. Данилова, на этой конференции «фермеры с трибун не выступали, но в перерывах подходили к членам советской делегации с весьма доброжелательными советами, неизменно подчеркивая при этом главное, по их мнению, условие современного развития аграрного производства: хозяйство может быть частным, может быть коллективным, но оно должно быть крупным и обеспеченным современной техникой и современной агрономией» [Данилов (3) 2011, с. 656]. Но именно это исходное условие развития современного сельского хозяйства, по мнению Данилова, отодвигалось на поздних этапах перестройки в сторону, уступая место дискуссиями о тотальной аграрной реформе на основе разгосударствления, формирования частной собственности, когда в итоге в центре реформы должен был объявиться самостоятельный хозяин-мужик.

В августе 1990 г. В.П. Данилов был приглашен на заседание комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы под руководством М.С. Горбачева. Даниловым был подготовлен текст для выступления с такой трактовкой «разгосударствления», которая помогла бы если не предотвратить, то хотя бы смягчить некоторым образом намечавшуюся шоковую терапию в сельском хозяйстве.

Приведем обширный и, на наш взгляд, ключевой отрывок из этой докладной записки, характеризующий разумное противостояние Данилова возможным фатальным рискам форсированного разгосударствления и приватизации советского сельского хозяйства:

«Направление аграрной реформы найдено – разгосударствление. На этой основе предполагается провести перестройку производственных отношений

в деревне. В последнее время все больше внимания привлекает один из путей ее осуществления – приватизация собственности. Однако в понимании и толковании приватизации ясности нет. Чаще всего ее толкуют упрощенно и грубо – раздел всего в частную собственность, замена всех форм общественного производства индивидуальными, вплоть до перехода от крупного производства к мелкому...

Сама по себе приватизация совсем не исключает различных форм производства и их кооперации, вплоть до коллективного хозяйства. В принципе, кооперативная (и в том числе колхозная) собственность представляют собой групповую разновидность частной собственности, хотя, конечно, при этом она приобретает существенно новое качество. Генетически и в нашей стране кооперативная собственность являлась частной (в деревне, как правило, семейной) до сталинской коллективизации. Кооперативы, включая колхозы, являлись добровольными и самостоятельными объединениями самостоятельных производителей-собственников, которые соединили свое хозяйственное имущество частично или полностью. Их вклады в общественное имущество носили паевой характер и оставались их собственностью – они могли взять свой пай при выходе из объединения или при его распаде. Решение вопроса о паевом капитале членов современных колхозов будет одним из наиболее важных и сложных в процессе приватизации колхозной собственности...

Между тем опыт истории – опыт вполне практический – показывает со всей убедительностью, что попытки форсированного проведения сверху аграрной реформы приведут с неизбежностью к результатам, сопоставимым с результатами “сплошной коллективизации”. Столыпин, как известно, просил для осуществления аграрной реформы 20 лет, а ведь он не останавливался перед силовыми приемами» [Данилов (3) 2011, с. 658].

Но на этом совещании Данилову выступить не дали. Перед началом совещания заведующий сельхозотделом ЦК КПСС И.И. Скиба доверительно сообщил Данилову, что ему предоставят слово для выступления, если он поддержит введение частной собственности на землю и включение ее в товарный оборот. Узнав, что Данилов отрицательно относится к таким перспективам, Скиба оставил Данилова, направившись вести переговоры о частной собственности на землю с другими участниками заседания. По воспоминаниям Данилова, на заседании выступавшие доказывали необходимость введения частной собственности, выказывая свое единодушие с Генсеком, который в свою очередь соглашался с каждым, включая и тех, кто подавал редкие реплики против частнособственнической эйфории. Так прошла первая и единственная, явно неудавшаяся встреча Комиссии с Горбачевым.

По мнению Данилова, «Горбачева от слишком явных “реформаторских” высказываний и действий удерживала его должность. Генсек компартии по самому своему положению не мог быть носителем радикальной “капиталистической” идеологии. Он мог позволить себе лишь относительно “демократические” взгляды и как бы “уступал” давлению разного рода комиссий, совещаний, известных специалистов. Организация же нужных мнений и рекомендаций в аппарате ЦК КПСС была отработана до совершенства» [Данилов (3) 2011, с. 657].

Тем временем перестройка становилась все более неуправляемой, и в политической жизни начинала задавать тон команда Ельцина, оказавшаяся во главе Верховного Совета РСФСР. В ноябре 1990 г. Верховный Совет РСФСР без обсуж-

дения принял законы «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и «О земельной реформе». Данилов полагает, что реального значения тогда эти законы не имели, а принимались, прежде всего, в пику Горбачеву. Комиссия ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы формально существовала, но реальной работы не проводила, и принимаемые ельцинские аграрные законы обсуждению не подвергались.

Подводя итог упущенным альтернативам перестройки как очевидец и участник ее аграрных исканий, Данилов с горечью указывал на соответствующие исторические параллели: «Сейчас, когда разрушительные реформы уже состоялись и в сельском хозяйстве, и в промышленности, когда многие люди в нашей стране должны бороться за выживание, мне как историку представляется важным сказать следующее. Как у сталинского руководства при проведении “сплошной коллективизации” не было права оправдываться ссылками на “новизну” хозяйственных форм, на “неизведанность путей”, на “сопротивление классового врага”, так и у руководства постсоветской аграрной реформы нет никаких оснований для подобных оправданий. Обращаясь к событиям тех времен, я спрашиваю себя: почему и как все это получилось? И нахожу лишь один ответ: мы все со слишком большим нетерпением ждали перемен, и когда они вдруг были объявлены и по видимости начаты, мы оказались к этому не готовы. И поэтому так доверились и так обманулись!» [Данилов (3) 2011, с. 663].

К проблеме циклических альтернатив

Важнейшая стратегическая задача научного творчества Данилова заключается в стремлении реконструировать российскую историю последних 150 лет с точки зрения развития ее внутренних, народных сил, которые до последних десятилетий нашего времени были представлены в значительной степени крестьянством. Идя в своем исследовании «снизу», от эмпирического изучения сельской повседневности, Данилов выходил и на детальное изучение политики и мировоззрения «верхов» – российских элит и их связи с сельской Россией. В своих исторических очерках, посвященных истории сельской России с 1861 г. по 2001 г., Данилов особо пристально рассмотрел вопрос этого непрерывного (и к трагическому сожалению, малопродуктивного) взаимодействия власти и села. В своей хронике этого взаимодействия Данилов отмечал, что, начиная с 1860-х гг., приблизительно с 20-летним перерывом российская власть всякий раз инициировала разнообразные, порой достаточно радикальные реформы, направленные на разрешение насущных проблем села и страны. В соответствующем даниловском перечне находятся:

- крестьянская реформа 1860-х гг.;
- попытки аграрных реформ Н.Х. Бунге первой половины 1880-х гг.;
- первая русская революция и вызванная ею столыпинская реформа ;
- аграрная революция 1917–1922 гг.;
- коллективизация начала 1930-х гг.;
- реформы Н.С. Хрущева в конце 1950-х – начале 1960-х гг.;
- аграрная реформа Горбачева-Ельцина 1990-х гг.

Этот почти циклически повторяющийся ряд реформ, по мнению Данилова, «говорит о крайней болезненности аграрного вопроса для России: сколько раз его объявляли наконец-то окончательно решенным, а он возникал опять

с еще большей остротой... перечисленные мною аграрные “перестройки” – суть потрясения крестьянской страны, вступившей на путь... модернизации» [Данилов (8) 2011, с. 630].

Данилов подчеркивал, что не все из этих потрясений были необходимыми и неизбежными, ибо они часто инициировались властью, исходя из соображений, прежде всего, политических: развитие капитализма, сохранение самодержавия, построение коммунизма, форсирование индустриализации и т.д., почти всегда сопровождавшиеся обременительным милитаристским укреплением обороноспособности государства. Таким образом, понимание насущных и собственных целей развития сельской России было отнюдь не главным для власти, а действия, направленные на развитие деревни, почти никогда не являлись ее приоритетом; наоборот, проведение в основном за счет деревни всех реформ, в том числе реформ аграрных, было привычным занятием для большинства российских дореволюционных, советских и постсоветских правительств.

Другой чрезвычайно важный аспект взаимодействия сельского населения и власти в России заключался именно в форсированном воздействии правительственных реформ на крестьянство, при этом целью этого давления оставались трансформирование в короткие сроки натурально-традиционную толщу деревни в индустриально-модернистскую и скорейшее преобразование «отсталых» крестьян в «современных» столыпинских фермеров или сталинских колхозников. По мнению Данилова, если в Европе, начиная со знаменитого английского огораживания, ушло несколько относительно болезненных веков трансформации традиционного крестьянства в современное фермерство, то в России этот процесс преобразований трагически спрессовался в несколько десятилетий первой половины XX в.

Данилов подчеркивал, что в пореформенной России второй половины XIX в. оказались упущенными нереволюционные, реформаторские альтернативы сельского развития. Такие органические для 1880-х гг. реформы Данилов связывал с планами министра финансов Н.Х. Бунге, направленные на упразднение крестьянской общины и организацию подворно-участкового землепользования крестьян при государственной поддержке с обязательной отменой подушной подати и созданием Крестьянского банка. Эта реальная предтеча «столыпинской аграрной реформы» еще не находилась в цейтноте социально-политических противоречий начала XX в., не увлекалась насильственным принуждением крестьянства к реформам – разрушением общины, как это стало практиковаться самодержавием, начиная с Первой русской революции. Но реформа 1880-х гг. не удалась, либеральный реформатор Н.Х. Бунге был отправлен в отставку, после чего начались «контрреформы», связанные с укреплением политического и экономического господства помещиков в деревне, полицейской консервацией крестьянской общины.

Русское крестьянство, неуклонно возраставшее и демографически, и хозяйственно, вскоре не захотело оставаться лишь пассивным социальным материалом для правительственных мер по выкачиванию ресурсов из деревни во имя текущих потребностей царской модернизации. В.П. Данилов убедительно показал, как в начале XX в. российское крестьянство проявило реальные образцы политической воли и самоорганизации, а достаточно широкие слои российской земской и профессорской интеллигенции вырабатывали самоуправленческие и кооперативные альтернативы аграрного развития России, демократически учитывающие интересы широких слоев трудящегося населения России, в основном состоявшего из крестьянства.

Вот почему столь пристальное внимание в исследованиях В.П. Данилова занимало великое социальное движение крестьян начала XX в., которое он назвал российской крестьянской революцией 1902–1922 гг. Эта крестьянская революция «снизу» продемонстрировала собственную силу и самостоятельность, особенно в годы великих общероссийских революционных потрясений 1905–1907 и 1917–1922 гг. Революция «снизу» стремилась противостоять революциям «сверху» – сначала «революции справа» – столыпинской, потом «революции слева» – большевистской. И в этом противостоянии, в конце концов, крестьяне победили. НЭП фактически признал и утвердил все требования, за которые выступали несколько поколений крестьян.

Тем не менее выдающийся знаток крестьян В.П. Данилов никогда не идеализировал крестьянство, признавая, что ему в значительной степени были присущи консервативное отстаивание собственных, локально общинных, натурально-хозяйственных интересов, часто препятствовавших исканиям революционной модернизации советской России 1920-х гг. Но Данилов был убежден в том, что взаимно продуктивный и взаимовыгодный путь развития между городом и деревней, между рабочей и крестьянской Россией в 1920-е и последующие годы можно было и создать, и углубить, опираясь на кооперативные идеи, сформулированные Чаевым, практически воспринятые и переработанные в большевистских концепциях Ленина и Бухарина, тем более в условиях идейного энтузиазма свершившейся революции [Данилов (2) 2011, с. 122–148; Данилов (4) 2011, с. 724–741].

Здесь необходимо зафиксировать даниловское понятие «революционность», определившее рождение и характер советского общества: «Крестьянская революция являлась самостоятельной частью общего революционного потока в России. Она происходила под лозунгом ликвидации помещичьего землевладения и “черного передела” земли между работающими на ней тружениками и членами их семей и продолжалась до своей победы. Крестьяне завоевали землю в 1917 г., отстаивали в ходе Гражданской войны свое право свободно работать на ней, заставив своими восстаниями большевиков отменить “военный коммунизм” и ввести в стране НЭП... Советское общество было создано великой социальной революцией в России начала XX в., в основе своей являвшейся крестьянской революцией, которая слилась с пролетарской социалистической революцией и подчинилась ее организованности и целеустремленности... Все достижения советского общества были следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направления и содержание экономического и культурного строительства, придавшего этому строительству характер народного подвига» [Данилов (2) 2000, с. 15].

Мы уже проанализировали даниловское отношение к сталинизму как к термидорианскому предательству революции, фактическому криминально-бюрократическому паразитированию на возможностях потенциала советского развития. Здесь лишь стоит отметить, что, по мнению Данилова, наследие сталинизма (в виде руководящей паразитической бюрократической структуры) никогда не было преодолено Советским Союзом и фактически явилось главной причиной его распада как своеобразной второй – по Данилову – заключительной фазы термидорианского переворота. Если поколению Сталина и его соратников были все же присущи яростно антикапиталистические настроения, то «внучатая» позднесоветская наследница сталинизма – горбачевско-ельцинская номенклатура – с легкостью прекратила строительство «социализма с человеческим лицом», конверти-

ровав ресурсы этой стройки в своекорыстную приватизацию советского наследия для основания «капитализма в облике первоначально накопления».

Что эта альтернатива означала для сельской России и как ее анализировал В.П. Данилов? Он очень скептически относился к первой так называемой фермерской фазе реформ, считая, что за бойкими фразами о становлении самостоятельного хозяйственного мужика-фермера в реальности скрывается целенаправленная государственная политика по разрушению крупного коллективного аграрного производства колхозов и совхозов в целях приватизации бывшего коллективного имущества сетями бюрократических управляющих. Данилова также весьма тревожило отсутствие какой-либо внятной стратегии реального производства и роста сельскохозяйственной продукции. В результате уже к середине 1990-х гг. Данилов констатировал весьма неутешительную картину в сельском хозяйстве России: «Поступление машинной техники упало так сильно, что речь идет о ликвидации современной материально-технической базы в сельском хозяйстве, созданной с таким трудом за 50–60 лет. В 1990 г. сельскохозяйственное производство получило 143,7 тыс. тракторов, в 1995 – 9,7 тыс., поступление грузовых автомашин сократилось за это время с 97,6 тыс. до 4,7 тыс., зерноуборочных комбайнов – с 39 тыс. до 4,4 тыс., картофелеуборочных комбайнов – с 4 тыс. до 0,2 тыс., доильных установок – с 23,6 тыс. до 0,4 тыс. Использование минеральных удобрений, в которых всегда испытывался недостаток, уменьшилось с 9,9 млн тонн в 1990 г. до 1,5 млн тонн в 1994 г. Соответственно изменились и показатели производства земледельческой продукции: валовые сборы зерновых упали с 116,7 млн тонн в 1990 г. до 63,4 млн тонн в 1995 г., сахарной свеклы – с 32,3 млн тонн до 19,1 млн тонн, льна-волокна – с 102 тыс. тонн до 69 тыс. тонн... И только картофель дал прирост: с 30,8 млн тонн в 1990 г. до 39,9 млн тонн в 1995 г. Радоваться этому росту не приходится – увеличение производства “второго хлеба” призвано возместить растущее недопроизводство зерновых. Характерно, что увеличение производства картофеля происходит на фоне практически полного прекращения использования картофелеуборочной техники. Главным орудием труда в картофелеводстве стала опять лопата. Может быть, наибольшими были потери в животноводстве и производстве мясо-молочной продукции. Поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 57 млн на 1 января 1991 г. до 39,7 млн на 1 января 1996 г., поголовье свиней – с 38,3 млн до 22,6 млн, поголовье овец и коз – с 58,2 млн до 28 млн. Соответственно сократилось производство мяса – с 10,1 млн тонн за 1990 г. до 5,8 млн тонн за 1995 г., молока – с 55,7 млн тонн до 39,2 млн тонн, яиц – с 48,5 млрд штук до 33,8 млрд. Последующие годы не принесли перемен в лучшую сторону. Напротив, продолжалось дальнейшее падение всех показателей сельскохозяйственного производства, а, следовательно, и дальнейшее ухудшение питания и здоровья населения, рост смертности и снижение рождаемости, депопуляция, то есть вымирание населения» [Данилов (1) 2011, с. 673].

Именно в это момент Данилов отметил наступление новой фазы в идеологии постсоветских реформ: «В программах реформаторов до самого последнего времени не прибавлялось ясности о путях и возможностях развития сельскохозяйственного производства. Лишь в одном пункте с осени 1995 г. они стали откровенными: никто больше не толковал о “всеобщей фермеризации” или “окрестьянивании” деревни. Напротив, заговорили напрямую о том, что реформа должна превратить одних крестьян в фермеров или сельских предпринимателей, а других отправить “в наемные работники к сельским предпринимателям или фермерам”. И еще

более откровенно: реформаторам “нужны не арендаторы и батраки, а эффективные собственники”. Мы сможем зафиксировать осень 1995 г. как время, когда постсоветские реформаторы открыто признали своей задачей “раскрестьянивания” – ту самую задачу, которую пытался решить Столыпин...» [Данилов (8) 2011, с. 645].

В целом именно во исполнение этой задачи и появился указ «о реализации конституционных прав на землю» от 7 марта 1996 г., снимавший какие-либо ограничения в размерах концентрации сельскохозяйственных земель в одних руках. А специальный пункт Указа (пункт 7) разрешал «руководителям и специалистам сельскохозяйственных органов», сельскохозяйственных организаций (колхозов, совхозов и др.) «получить земельные участки в собственность бесплатно для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства и использования и иных (!) целях...», причем эти земельные участки, не ограничиваемые по размерам, могли формироваться «за счет свободных земельных паев (?) хозяйств и фонда перераспределения земель». Понятия «земельные паи хозяйств» и «фонд перераспределения земель» не были определены и давали возможность для полного бюрократического беспредела на местах. Сельхозэлите предлагалось объединяться в присвоении земельного фонда России, с этого времени приватизация земли приняла характер открытого ее захвата кланом управляющих. Собственно говоря, он уже осуществлялся на практике, и либеральная пресса определяла новую ситуацию в деревне довольно точно: «Посевная началась с земельного передела» [Данилов (8) 2011, с. 646].

По наблюдениям В.П. Данилова новые собственники земли, особенно из сельскохозяйственной администрации, как правило, фермерами не становились: они скорее стремились стать частными управляющими и совладельцами бывших колхозов и совхозов. Что касается простых работников постсоветских аграрных предприятий, то в большинстве своем они как раз и не воспользовались правом выхода из «крупхозов» (крупных хозяйств – бывших колхозов и совхозов) с землей и хозяйственным имуществом, но, напротив, оказывали всяческое сопротивление разрушению общественного производства, ибо оно означало для них окончательное раскрестьянивание. Возникшие в небольшом количестве фермерские хозяйства не играли серьезной роли в аграрном производстве и аграрной политике. Их доля в сельскохозяйственном производстве в 1999 г. составила лишь 2,5%. Данилов также весьма скептически относился к росту экономики личных подсобных хозяйств в условиях экономического кризиса 1990-х гг. Вот его соответствующие красноречивые комментарии: «По данным на 1999 г. индивидуальных земельных участков на территории Российской Федерации насчитывалось 34,7 млн, тогда как в 1927 г. число индивидуальных крестьянских хозяйств составляло всего только 17 млн, и разумеется, 70 лет назад крестьянские хозяйства давали почти 100% сельскохозяйственной продукции, а нынешние земельные клочки – 57,2% (главным образом картофель, овощи, мясо-молочные продукты). Нет ничего хорошего для развития общества в том, что каждый его член должен выращивать для себя и своей семьи картофель, овощи. Это своеобразное проявление “окрестьянивания” является свидетельством откатывания общества назад, очередным сельскохозяйственным упадком» [Данилов (8) 2011, с. 647].

И в 1990-е гг. и по настоящее время в официальной аграрной идеологии любили и любят поминать имя Петра Аркадьевича Столыпина, его именем буквально клялись и клянутся многие постсоветские идеологи аграрных преобразований. В.П. Данилов также полагал, что в постсоветское время была предпринята

попытка возрождения духа столыпинских реформ как сердцевины очередного цикла первоначального накопления капитала в деревне. Данилов достаточно критически и неоднозначно относился к столыпинским реформам. Он признавал, что это была действительно достаточно продуманная и энергичная политика развития капитализма в земледелии, но, прежде всего, за счет уничтожения сельской общины и раскрестьянивания деревни с сохранением помещичьих хозяйств и консервативно-самодержавного строя. Данилов полагал, что у Столыпина в текущей внешне-политической ситуации не было необходимых ему 20 лет покоя – России все-таки не удалось избежать участия в Первой мировой войне. Но даже если бы произошло чудо и Россия не участвовала бы в мировом конфликте, то и за 20 лет без войны Столыпин не успел трансформировать Россию крестьянскую в капиталистическо-помещичье-фермерскую, для этого ему понадобились бы еще долгие десятилетия, и в результате лишь к концу XX в. аграрный капитализм столыпинского типа утвердился бы в России окончательно. Институционально он представлял бы собой сосуществование несколько сотен гигантских помещичьих-корпоративных латифундий, несколько десятков тысяч капиталистических фермерских хозяйств и подвалов сельской нищеты по образцу сельских стран третьего мира [Данилов 1998, с. 34]⁴. Мы должны признать, что только сейчас, в 2010-е гг., прогноз Данилова в виде циклического воплощения столыпинской альтернативы наполняется реальными очертаниями: современная сельская Россия состоит из примерно 700–800 агрохолдингов-латифундий, 70–80 тыс. капиталистических фермерских хозяйств и пока еще не подвалов нищеты, но уж точно полуподвалов массовой бедности.

Но почему же в перестройку не реализовалась гуманистическая кооперативно-самоуправляющаяся альтернатива сельского развития, которую так отстаивал В.П. Данилов? Почему эта альтернатива конца 1980-х гг. оказалась еще менее реализуемой и почти без сопротивления утраченной в сравнении, например, с кооперативной чаяновско-бухаринской альтернативой, с которой Сталин боролся не на жизнь, а на смерть, и чуть не потерпел в своей борьбе роковое поражение. Причины пассивного, несамостоятельного, порой индифферентного поведения села (впрочем, не только села) в годы перестройки Данилов также усматривал, прежде всего, в сталинском наследии тотального террора и последовавшем за ним засильем репрессивной советской бюрократии. В подкрепление этого мнения Данилова мы лишь можем отметить, что великий крестьяноборец Сталин любил читать стратегические сочинения о войне Клаузевица, рекомендовавшего нанести противнику непременно такое поражение, чтобы у противника, по крайней мере, на несколько поколений не возникало охоты к новой борьбе.

* * *

Подведем итоги нашего краткого обозрения вопросов альтернативных подходов и прогнозов российской истории и современности, нашедших отражение в научном творчестве В.П. Данилова.

⁴ В целом В.П. Данилов разделял остро критический взгляд на столыпинскую реформу своего старшего коллеги, известного историка А.М. Анфимова, представленный в книге [Анфимов 1997].

В России за последние полтора столетия проводился с примерным 20-летним циклом ряд аграрных реформ и не только, часто направленных на коренную трансформацию российского социума. Наиболее радикально значимыми в этих циклах были события 1929–1933-х гг. и 1989–1993 гг. В момент этих всеобъемлющих преобразований встречаются, взаимодействуют и противостоят революция «сверху», стремящаяся через радикальную модернизацию экономики сохранить и укрепить власть партии вождей «верхушечной» революции, и революция «снизу», добивающаяся расширения свободы жизни и действия на местах. В российской истории революции «сверху» и «снизу» редко находили общий язык: столыпинской революции «сверху» противостояла великая крестьянская революция «снизу»; победившую крестьянскую революцию «снизу» уничтожила к началу 1930-х гг. бюрократическая революция Сталина «сверху». Тем не менее кульминационный импульс ленинских декретов о земле и мире, как единства чаяний революционной правящей партии и революционного народа в течение почти всего XX в., определил потенциал развития социалистической альтернативы в России и мире.

Термидорианский переворот бюрократических наследников Сталина поставил крест на революционно-альтернативных исканиях перестройки. В постсоветской России было идеологически предпринято новое издание столыпинской революции «сверху», ответом на нее стало астеническое, спорадическое и отнюдь не революционное сопротивление снизу.

Для Данилова как сторонника великого альтернативного значения «революций снизу» было очевидно, что для своего успешного развития всякая революция должна стремиться к новому глубокому познанию окружающей действительности – в нем залог действительного открытия новых альтернативных дорог истории.

В начале XX в. успехи великой российской крестьянской революции и правых-левых революций «сверху» были также основаны на серьезных достижениях систематического и упорного аграрно-социологического познания эмпирического и теоретического, над которым работали лучшие интеллектуалы различных альтернативных политических движений: представители столыпинской интеллектуальной бюрократии, специалисты по аграрному вопросу от народнических, либеральных и социал-демократических партий, опиравшихся на гигантскую эмпирическую и экспериментальную базу земских и кооперативных социальных программ, уходящих в свою очередь в толщу крестьянского опыта и знания.

Эта великая эпистемологическая задача крестьянско-интеллектуальной революции развивалась и в 1920-е гг. в новых советских ЦСУ-исследованиях, данные которых были основой для альтернативных программ развития страны, предлагавшихся А.В. Чаяновым, Н.Д. Кондратьевым и Н.И. Бухариным. В.П. Данилов очень хорошо показал, как перед началом своей форсированной коллективизации И.С. Сталин сначала нанес упреждающий удар по «штабам» знания противостоящей ему крестьянской альтернативы, сместив руководство ЦСУ, состоявшее из статистиков старой земской школы, а затем отстранил от научно-исследовательской и административной работы Чаянова, Кондратьева и их коллег, посадив их в тюрьму, дискредитировав и отстранив от власти Бухарина и правых большевистских оппонентов [Данилов (7) 2011, с. 725–727].

60 лет спустя дефицит аграрного знания, а также в целом понимания происходящих социальных процессов, образовавшихся в предшествующие десятилетия бюрократического застоя, стал серьезной проблемой для альтернативных исканий перестройки, тем более что сам советский сельский социум в значительной степени

уменьшился, ослаб, постарел в результате отрицательного естественного отбора. И тогда новая «революция сверху» сознательно решила не обременять себя излишними интеллектуальными поисками, полагая, что упоминания столыпинских мер и призыва невидимых рыночных рук будет вполне достаточно для постсоветского «революционного» дежавю первоначального накопления капитала.

Подытожив таким образом видение Данилова циклических альтернатив российской истории, нам необходимо критически упомянуть некоторые белые пятна и уязвимые для критики концепты даниловского аналитического подхода.

Во-первых, в даниловских 20-летних циклах существует своеобразный провал между хрущевскими и горбачевскими реформами: Данилов на удивление скуп, фактически неохотно комментирует искания позднесоветского аграрного развития 1960-х и 1970-х гг. Даже хрущевские реформы он характеризует, как правило, весьма абстрактно и кратко, он практически не упоминает косыгинскую реформу и брежневские агропромовские контрреформы, а ведь там тоже были свои альтернативы еще не упущенного времени.

Во-вторых, на наш взгляд, В.П. Данилов все же излишне акцентирует в своем анализе значение крупного аграрного производства: по Данилову, современное аграрное производство, неважно какое – крестьянское, фермерское и любое другое, непременно должно являться крупной высококапитализированной структурой или быть интегрировано в соответствующую крупную агроиндустриальную структуру. С этим, пожалуй, никто не спорит, но все же не надо забывать об огромном, а порой определяющем значении мелких семейных и прочих малых формах непосредственной организации жизни и труда на земле, – именно на этом крепком основании только и могут успешно интегрировать и развиваться все остальные какие угодно крупные аграрные структуры.

В-третьих, в политической социологии Данилова слишком фатальное место занимает понятие «термидора». Конечно, как метафора предательства интересов и дела народной революции термидор не заменим. Но, все же обращаясь, например, к реальному социально-политическому содержанию термидорианского переворота во Французской революции и в особенности сравнивая его со сталинским переворотом, возникает вопрос, а был ли мальчик-термидор в советской истории? Или что-то тут было безальтернативно взрослее и хуже, чему до сих пор социальная наука не может подобрать точного слова. Даже с точки зрения формально временных интервалов, как известно, термидорианский период во Франции занял всего лишь несколько лет, а по мнению Данилова, начиная со сталинской коллективизации, наш отечественный термидор имел какую-то параллельно ползучую десятилетиями траекторию существования СССР и, наконец, окончательно проявился, победил и укрепился в 1990-е гг. Как известно, Л.Д. Троцкий был автором концепции сталинского термидора, утверждая, что термидор: «есть особая форма контрреволюции, совершаемая в рассрочку, в несколько приемов, и использующая для первого этапа элементы той же партии – путем их перегруппировки и противостояния... Можно сойти на термидорианские позиции даже со знаменем коммунизма в руках» [Коммунистическая оппозиция 1988, с. 15, 18]. На ее основе, на наш взгляд, В.П. Данилов развил концепцию своеобразного перманентного термидора в СССР [Данилов (2) 2000], но эта концепция гораздо менее впечатляюща в сравнении, например, с троцкистской концепцией перманентной революции.

Наконец, на наш взгляд, слишком прямолинейным является утверждение Данилова, что сталинизм по природе своей антисоциален, то есть не имеет корней

в широких слоях населения. Историческая и современная социально-политическая действительность противоречит этому оптимистическому утверждению: сталинизм также социален, как социальные его важнейшие составляющие части: бандитизм и бюрократия, национализм и милитаризм.

В наше время в России в целом мало популярны поиски альтернатив: современные социальные фаталисты (от неосталинистов до неолибералов), каждый на свой великодержавный или глобалистский лад, упорно твердят: «киного дано не было, и дано не будет». Но историческая интеллектуальная традиция российского освободительного движения противоречит этому заявлению. Века назад русские народники, либералы, социал-демократы были воодушевлены идеей созидания нового альтернативного мира и даже множества альтернативных миров, чьи образы, проникнув в широкие слои населения, стали материальной силой великих социальных революций XX в. в России и мире.

Один из главных выводов, который мы можем сделать из переосмысления научных и публицистических работ Данилова: в истории существуют как кратковременные, так и долговременные циклы соперничающих между собой альтернатив человеческого развития. И когда настанет время волны новых альтернатив, социальная наука заново откроет и востребует для себя наследие В.П. Данилова.

Литература

- Андропов Ю.В. (1983) Избранные речи и статьи. М.: Издательство политической литературы.
- Анфимов А.М. (1997) Аграрная реформа Столыпина. М.
- Бухарин Н.И. (1929) Доклад на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. М.
- Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. (2005) Творческий путь Виктора Петровича Данилова // Вопросы истории. № 9.
- Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. (2011) Виктор Петрович Данилов – фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (1977) Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука.
- Данилов В.П. (1979) Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука.
- Данилов В.П. (1987) Истоки и уроки коллективизации // Правда. 9 августа 1987.
- Выступления Данилова на круглом столе по теме «Коллективизация: истоки, сущность, последствия» (октябрь 1988 г.) (1) (1989) // История СССР. № 3.
- Выступления Данилова на круглом столе советских и американских историков (2) (1989) // Вопросы истории. № 4.
- Данилов В.П. (1993) Выступление на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» (Определение крестьянства) // Отечественная история. № 2.
- Данилов В.П. (1998) Выступление на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. № 1.
- Данилов В.П. (1) (2000) К истории становления сталинизма // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.
- Данилов В.П. (2) (2000) Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.

- Данилов В.П. (1) (2011) Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка) (2011) // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (2) (2011) «Бухаринская альтернатива» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (3) (2011) Из истории перестройки (переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (4) (2011) К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (5) (2011) Необычный эпизод в истории отношений ОГПУ и сталинского Политбюро // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (6) (2011) Сталинизм и крестьянство // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (7) (2011) Сталинизм и советское общество // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Данилов В.П. (8) (2011) Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Коммунистическая оппозиция СССР. 1923–1927 гг. (Сб. документов) (1988) / Сост. Ю. Фельштинский. Т. 4. Вермонт: Chalidze Publications.
- Кондратьев Н.Д., Огановский Н.П. (1924) Перспективы развития сельского хозяйства СССР. М.
- Кондрашин В.В. (2013) Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8 / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, М. Пугачевой М.: МВШСЭН.
- Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. (2013) Трудный путь познания истины // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7 / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, М. Пугачевой. М.: МВШСЭН.
- Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 г. – 16 апреля 2004 г.) (2004) // Отечественная история. № 6.
- Памяти Виктора Петровича Данилова (2006) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России (2002) / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН.
- Сталин И.В. (1949) О правом уклоне в ВКП(б) / Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Чаянов А.В. (1989) Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с его довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. № 6.
- Danilov V.P. (1989) The Issue of Alternatives on History of Soviet Agriculture // The Journal of Historical Sociology. No 1.

NATIONAL VALUES AND ALTERNATIVES TO RUSSIA'S DEVELOPMENT

Search for the Alternatives to Russia's Development: Rethinking V.P. Danilov's Agrarian Heritage

A. NIKULIN*

***Alexandre Nikulin** – Director, Agricultural Research Center, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 82, Vernadskogo av., Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: nikulin@rane.ru.

Abstract

The article examines the intellectual heritage of the Russian agrarian historian V. Danilov (1925–2004), and it is particularly centered on the discussion of the alternatives to Russia's historical development in the past 150 years. Danilov identifies a series of attempts to reform the agrarian sector that have been made between the cycles of 20-30 years, in which several pathways of the country's development have been available. Precisely, these include the agrarian reform of the 1860s; N. Bunge's reforms in the first half of the 1880s; the first Russian revolution and P. Stolypin's reforms; the agrarian revolution of 1917-1922; the collectivization of the early 1930's; N. Khrushchev's reforms of the late 1950s – early 1960s; and, finally, Gorbachev-Yeltsin's agrarian reforms of the 1990s.

Although Danilov's analytical grasp extends over a vast historical retrospective, his deepest concern lied in the period of the first half of the XXth century. And it is exactly in this period that he acknowledged the possibilities of establishing a farmer-based agrarian economy in Russia. From this point of view he criticizes the Stalinist path to collectivization of the agrarian sector and claims that the alternatives developed by Lenin, Trotsky, Bukharin and Chayanov might have been the optimal path to its development in the Soviet Russia.

Finally, the author regards Danilov's heritage in far broader perspective by linking his insights on agrarian reforms with alternatives to socioeconomic development, which have existed throughout Russia's history.

Keywords: historical alternatives, agrarian reforms, bureaucracy, peasantry, perestroika, revolution

References

- Andropov Yu. V. (1983) *Izbrannye rechi i statii* [Selected Talks and Articles], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Anfimov A.M. (1997) *Agrarnaya reforma Stolypina* [Stolypin's Agrarian Reform], Moscow.
- Bukharin N.I. (1929) *Doklad na ob'edinennom Plenumе TsK i TsKK VKP(b)* [Paper for the Joint Plenum of CK and CKK VKP(b) 18 April 1929], Moscow.
- Chiyanov A.V. (1989) *Zapiska o sovremennom sostoianii sel'skogo khozyaistva SSSR po sravneniyu s ego dovoennym polozheniem i polozheniem sel'skogo khozyaistva kapitalisticheskikh stran* [The Note on Current State of the USSR Agrarian Sector in Comparison with Its Pre-War State and the State of Agrarian Economies in Capitalist Countries]. *Izvestiya TsK KPSS*, no 6.
- Danilov V.P. (1977) *Sovetskiya dokolkhozniya derevnia: naselenie, zemlepolzovanie, khozyaistvo* [The Soviet Village before collectivization: Population, Land Use and Economy], Moscow: Nauka.
- Danilov V.P. (1979) *Sovetskiya dokolkhozniya derevnia: sotsialniya struktura, sotsialnye otnosheniya* [The Soviet Village before collectivization: Social Structure and Social Relations], Moscow: Nauka.
- Danilov V.P. (1987) *Istoki i uroki kollektivizatsii* [The Sources and Lessons of Collectivization]. *Pravda*, 9 August 1987.
- Danilov V.P. (1989) The Issue of Alternatives on History of Soviet Agriculture. *The Journal of Historical Sociology*, no 1.
- Danilov V.P. (1993) *Vystuplenie na teoreticheskom seminare «Sovremennye kontseptsii agrarnogo razvitiya» (Opredelenie krestianstva)* [The Talk at the Theoretical Seminar 'Modern Concepts of Agrarian Development' (The Definition of Peasantry)]. *Otechestvenniya istoriya*, no 2.
- Danilov V.P. (1998) *Vystuplenie na teoreticheskom seminare «Sovremennye kontseptsii agrarnogo razvitiya»* [The Talk at the Theoretical Seminar 'Modern Concepts of Agrarian Development']. *Otechestvenniya istoriya*, no 1.
- Danilov V.P. (1) (2000) *K istorii stanovleniya stalinizma* [On the Emergence of Stalinism]. *Kuda idet Rossiya? Vlast', obschestvo, lichnost'* [Russia's Path? Power, Society, Personality]. Ed. by T.I. Zaslavskaya, Moscow.
- Danilov V.P. (2) (2000) *Padenie sovetskogo obshchestva: kollaps, institutsionalnyi krizis ili termidorianskiy perevorot?* [The Collapse of the Soviet Society: Collapse, Institutional Crisis or a Termidorian Reaction?]. *Kuda idet Rossiya? Krizis institutsionalnykh sistem: Vek, desyatiletie, god.* [Russia's Path? The Crisis of Institutional Systems], Moscow.
- Danilov V.P. (1) (2011) *Agrarnaya reforma v postsovetskoi Rossii (vzglyad istorika)* [The Agrarian Reform in the Post-Soviet Russia (a Historian's View)]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (2) (2011) *«Bukharinskiya alternativa»* [The Bukharin's Alternative']. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (3) (2011) *Iz istorii perestroiki (perezhevaniya shestidesiatnika-krestianoveda)* [Some Reflections on the History of Perestroika]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (4) (2011) *K probleme alternativ 20 godov* [To the Problem of Alternatives in the 1920s]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (5) (2011) *Neobychnyi epizod v istorii otnoshenii OGPU i stalinskogo Politburo* [An Unusual Case in the History of Relations Between the Joint State Political Directorate and the Stalin's Politbureau]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.

- Danilov V.P. (6) (2011) Stalinizm i krestianstvo [Stalinism and Peasantry]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (7) (2011) Stalinizm i sovetskoe obschestvo [Stalinism and Peasantry]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V.P. (8) (2011) Sud'by sel'skogo khozyaistva v Rossii (1861–2001) [The Destinies of Agrarian Economy in Russia (1861–2001)]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 2* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Kommunisticheskiya oppozitsiya SSSR. 1923–1927. (Sbornik dokumentov)* (1988). T. 4 [The Communist Opposition in USSR. 1923–1927 (A Collection of Documents), vol. 4], Vermont: Chalidze Publications.
- Kondrashin V.V. (2013) Viktor Petrovich Danilov – vydauschiisya issledovatel' agrarnoi istorii Rossii XX veka [Viktor Petrovich Danilov – a Prominent Researcher of Russia's Agrarian History of the XXth Century]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Uchenye zapiski* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 8. Eds. by T. Shanin, A. Nikulin, M. Pugacheva], Moscow: MVShSEN.
- Kondratiev N.D., Oganovski N.P. (1924) *Perspektivy razvitiya sel'skogo khozyaistva SSSR* [The Prospects of Agrarian Development in USSR], Moscow.
- Kuznetsova T.E., Nikiforov L.V. (2013) Trudnyi put poznaniya istiny [A Sturdy Path of Unveiling the Truth]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Uchenye zapiski* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 7. Eds. by T. Shanin, A. Nikulin, M. Pugacheva], Moscow: MVShSEN.
- Pamyati Viktora Petrovicha Danilova (4 marta 1925 – 16 aprеля 2004) (2004) [To the Memory of Viktor Petrovitch Danilov (4 March 1925 – 16 April 2004)]. *Otechestvenniya istoriya*, no 6.
- Pamyati Viktora Petrovicha Danilova (2006) [To the Memory of Viktor Petrovitch Danilov]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Uchenye zapiski* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 5. Eds. by T. Shanin, A. Nikulin], Moscow: MVShSEN.
- Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovaniy sel'skoi Rossii* (2002) [Reflexive Peasant Studies: a Decade of Agrarian Research in Russia. Eds. by T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov], Moscow: MVShSEN, ROSSPEN.
- Stalin I.V. (1949) *O pravom uklone v VKP(b) / Sochineniya*. T. 12 [On Legal Bias of VKP(b) / The Works. Vol. 12], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Vyltsan M.A., Emets V.A., Slepnev I.N. (2005) Tvorcheskii put Viktora Petrovicha Danilova [The Career of Viktor Petrovitch Danilov]. *Voprosy istorii*, no 9.
- Vyltsan M.A., Emets V.A., Slepnev I.N. (2011) Viktor Petrovich Danilov – frontovik, grazhdanin, uchenyi, borets za demokratiyu i svobodu [Viktor Petrovitch Danilov – a Combat Veteran, a Citizen, a Researcher, a Partizan of Democracy and Freedom]. Danilov V.P. *Istoriya krestianstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2 chastyakh. Ch. 1* [The History of Peasantry in Russia in XXth Century: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Vystupleniya Danilova na kruglom stole po teme «Kollektivizatsiya: istoki, suschnost', posledstviya» (1) (1989) [Danilov's Talks at the Roundtable 'Collectivization: Sources, Essence, Consequences']. *Istoriya SSSR*, no 3.
- Vystupleniya Danilova na kruglom stole sovetskikh i amerikanskikh istorikov (2) (1989) [Danilov's Talks at the Roundtable of the Soviet and American Historians]. *Voprosy istorii*, no 4.